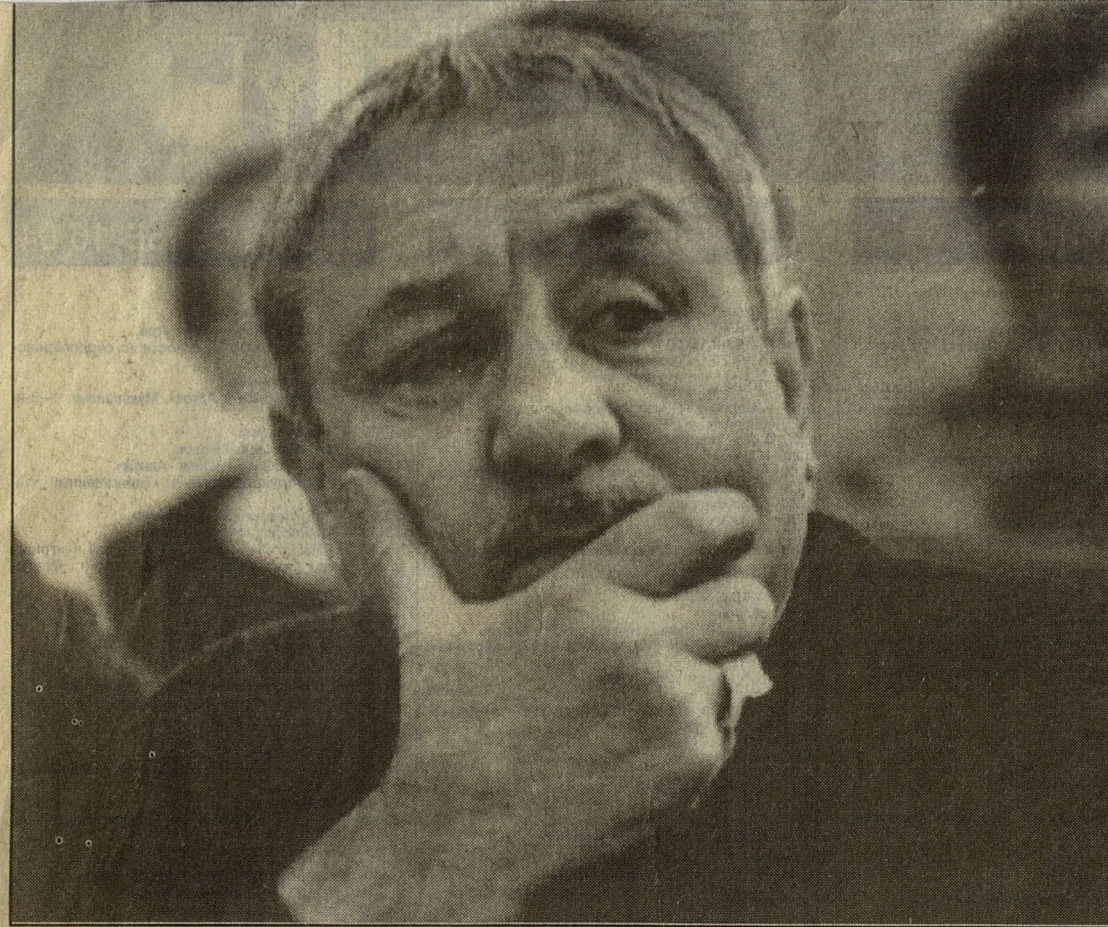

...Он отвалился поссориться с Хрущевым, когда тот был у власти, и помирился с ним, когда вождь был свергнут, а после поставил памятник на могиле опального покойника. И все отказывался от гонорара, но сын, Сергей Никитич, настаивал, совал пачку денег — это когда они в машине ехали с Новодевичьего. И Эрнст наконец взял пачку — для того чтобы швырнуть ее в открытое окно "Волги". Банкноты летели за машиной, кружась над подобием листьев. "Пусть Москва помянет Никиту", — сказал Неизвестный.

7 апреля Эрнсту Неизвестному — 70 лет. Он просит еще хоть 5 лет жизни — надо напоследок кое-что великое сказать, великое слепить. Сегодня "ВК" публикует с некоторыми сокращениями интервью, которое всемирно известный скульптор дал корреспонденту журнала "Домовой" (1994, N 10) в своем доме на острове Шелтер на берегу американского озера.

— Эрнст Иосифович, вы прекрасно выглядите для своих лет. Человеку постороннему не догадаться, что вы инвалид Отечественной войны, что у вас были тяжелые ранения — вплоть до перелома позвоночника... Наверное, у вас крепкие гены?

— Мне повезло, что во мне есть и русская, и татарская кровь, хотя я и еврей. Дед мой был купцом на Урале, отец — белым офицером, адъютантом у Антонова. Один мой дядя служил у Колчака, другой у Деникина. Когда пришли красные, то должны были расстрелять деда и отца. Но бабка вспомнила, что дед тайно печатал в своей типографии коммунистические брошюры. Бабка нашла документы и предьявила большевикам. Никого не расстреляли.

— А что ж вы думаете теперь про деда, который помогал большевикам?

— Думаю, что дурак он был. А отец после гражданской войны в Сибири, выучился на врача и стал хорошим специалистом. Дожил он до преклонных лет (умер в 84 года), был очень деятельным и сильным человеком. Ничего не могло его сломить — ни поражение белых, ни те опасности, которым он подвергался при коммунистах как офицер. Он был верен себе и был настоящим джентльменом, несмотря на все хамство окружения. Он переодевался к обеду, повязывал галстук и ел вилкой и ножом даже тогда, когда весь обед состоял из поджаренного на каком-то странном масле кусочка хлеба. Взгляды на советское общество, на разруху у него были приблизительно такие же, как у профессора Преображенского из "Собачьего сердца" (а не надо мочиться мимо унитаза). Отец часами лежал на диване и дискутировал с советским радио, которое включал на полную громкость и тем нам досаждал. Я, подросток, смеялся над его джентльменством, а теперь об этом советско вспоминаю.

— Вы как бы прожили несколько жизней: уральского мальчика, хулигана, солдата, художника, гонимого и преследуемого, жителя и гражданина нескольких стран, изгнанника, друга великих мира сего. Сегодня вы признанный мастер мирового уровня. Какой вам отсюда, из сегодняшнего дня, видится ваша жизнь?

— У меня буйный, необузданный темперамент. Когда я был мальчишкой, меня не звали драться стенка на стенку, но звали, когда били наших. Я бежал, схватив цепь или дубину, а однажды и вовсе пистолет, — бежал убивать, я был свиреп, как испанский идальго. Мне удалось перевести мою уголовную, блатную сущность и энергию в интеллектуальное русло. Если бы Пикассо или Сикейрос не дали проявить себя в искусстве, они бы были самыми страшными террористами. Я знаю, что говорю, — был с ними знаком. Мой лозунг — "ничего или все". Или я живу так, как хочу, или пусть меня убьют. Не уступать: никому — ничего — никогда. Я столько раз должен был умереть, я и умираю, но какая-то сила меня хранила и спасла. Так чем же я взял? Смею вас заверить — абсолютным безумием и работоспособностью.

— У вас замечательный и странный дом...

— Это по моему проекту. Я все здесь продумал. Я сделал дом, который соответствует моему духу, где мне легко дышится. Я имею право на такой дом — ведь я на всю жизнь оскорблен советским мешанином. Когда я строил свой дом, мне хотелось сделать аскетическое логово скульптора. Чтоб вещи были дорогие, но не кричащие (в Америке чаще наоборот). Поэтому я выбрал дерево, я же уральец. Дуб, там, ясеня и другие, я не помню, как все по-английски называется. Вот колонны. Можно было склеить, но я взял цельное дерево. Это попытка хоть как-то ностальгически компенсировать эстетическую недостаточность всей моей жизни. Идеально для художника, когда его повседневная жизнь не вступает в противоречие с работой.

Дом этот не бытовое. Он должен ассоциативно напоминать северную архитектуру, а с другой стороны — храм. И, конечно, студию скульптора. Здесь всего две спальни — в огромном-то доме! Ко мне приходили американцы и говорили: зачем нам такие высокие потолки, это ж не церковь — лучше устроить второй этаж. И сделайте 12 комнат. Гостей будете свести или постояльцев возьмете... И сейчас у нас действительно проблема: приезжают гости, а остановиться негде. Но и это мелочь! Этот дом будет моим музеем. Потом.

— И место тут замечательное...

— Помните, у Набокова — "Облако, озеро, башня"? Там персонаж искал идеальное место на земле. Вот и у меня тут озеро, облака есть, а башня — это видите? — моя мастерская. Я очень не люблю сослаться на русское, потому что от а-ля рус меня тошнит, но действительно русский пейзаж! Пар поднимается с озера... Я как увидел, сразу купил, не торгуясь. И пол-озера тоже купил... Не сразу, правда, продал: тут, на острове, в этом заповеднике богатей есть выборный орган вроде кооператива, они заседают и решают, кого пускать жить, кого нет, и никакие деньги не помогут. Меня сначала не хотели пускать, когда узнали, что у меня будет студия: думали, раз студия, то богема, индустрия. Но потом им принесли книги, журналы, New York Times, где про меня, и они как люди тщеславные согласились. Но мне это влетело в копеечку...

— У вас тут сколько соток?

— Соток? Было три гектара, но куда мне столько? Два я отдал, вот остался один гектар. Я здесь прячусь от всех, работаю. Хорошо!

— При этом дом этот вовсе не холостяцкий — чувствуется женская рука.

ЭРНСТ НЕИЗВЕСТНЫЙ

Если бы я не уехал из России, я бы умер или от скуки, или от водки

— Когда я уезжал из России, жену и дочь со мной не пустили... Мы с женой separated, на Западе есть такое понятие. А этот дом — наш с Аней, мы уже три года вместе. Она русская, давно эмигрировала. По профессии — испанистка.

— Вы уехали, потому что...

— Я никогда не был диссидентом принципиально. Хотя неприятности у меня были вполне диссидентские. Мне не давали работы, не пускали на Запад. Против меня возбуждали уголовные дела, меня обвиняли в валютных махинациях, в шпионаже и проч. Меня постоянно встречали на улице странные люди и избивали, ребра ломали, пальцы, нос. Кто это был? Наверное, Комитет. В милиции меня били, вусмерть, ни за что. Утром встанешь, отмоешь кровь — и в мастерскую, я скульптор, мне надо лепить. Нет, я не был диссидентом — готов был служить даже советской власти. Я монументалист, мне нужны большие заказы. Но их не было. А хотелось работать. Я 67 раз подавал заявление, чтоб меня отпустили на Запад строить с Нимейером. Не пускали. И тогда я решил вообще уехать из России. Андропов говорил (он меня защищал, требовал, чтоб ЦК давал мне заказы): не уезжай, дождись наших мальчиков из МИМО, все будет. Я ему ответил, что у меня нет времени. И не верил, что доживу до сегодняшнего дня. Я так много раз был ранен... И думал, что умру... ну в 60. Ждать ваших мальчиков нет времени. 10 марта 1976 года я уехал.

— Вы сейчас работаете больше или меньше, или столько же, сколько всегда?

— Я работаю очень много, как всегда. Но в силу многих причин — хотя бы из-за недавней операции на сердце — чуть-чуть меньше бросаю на дзот груду. Я работаю много, хотя это невыгодно. Тогда я много трачу: материал, отливка, помощники — идет омертвление огромных денег. В мой парк вложено несколько миллионов долларов — если считать одну отливку. А когда не работаю, богатею: деньги не расходуются, а дают дивиденды.

По правилам 12 экземпляров скульптуры имеют статус оригинала. Я раньше и отливал по 12. А теперь стараюсь давать минимальные тиражи — ну два, ну три экземпляра. Это повышает не стоимость, нет, но ценность работ. И это создает мне перспективу жизни, есть для чего жить — для работы. А если происходит затоваривание, психологически очень трудно работать.

— Значит, вы живете так же, как всегда, занимаетесь тем же и так же свободно, и работаете столько же — просто больше стало денег. Так?

— Ответ такой. Мы в России были приучены к преодолению многих трудностей. Для художника самое главное — борьба с самим собой, чтоб что-то создать, но было много внешних обстоятельств, которые этому мешали. Поэтому по усилиям я походил на чемпиона, который взобрался на гору Эверест. Но в реальности преодолелось болото, некая совокупность мелочей (идеология, террор и проч.). Например, Любимову (я был членом совета его театра), чтоб пробить спектакль, требовалось больше сноровки, ума, вкуса, чем для его создания. На Западе же я понял, что свободу творчества дают деньги, это кровь творчества; нужно вкладывать очень много денег, чтобы создавать скульптуры.

— Хорошо ли продаются ваши работы?

— Не буду врать — продать очень трудно. Особенно в последнее время. Но, несмотря ни на что, я на плаву. Причина моего успеха — в моей нежадности и консервативности. Окружение давило: продавай подороже. Но я не позволяю продавать скульптуры дороже 100 — 250 тысяч. Круг моих покупателей узок, это по сути международный клуб. Тем не менее цены на мое творчество растут, но органично. Стабильность рынка! Нужно мне было взять в банке 470 тыс. долларов (это когда дом достраивал), взял в банк, мне дали под залог скульптур. Кредит я брал не потому, что беден, просто не было свободных денег — у меня миллионы долларов вложены в отливку скульптур из бронзы...

— Свобода творчества — вы ее получили только на Западе?

— У меня сейчас намного больше свободы, чем было. Хочу отлить в бронзе — могу. Моя фантазия безгранична, а жизнь ограничивает нас, в том числе и материально. Но я ближе к тому, к чему стремился.

— А стремились вы всегда к тому, чтобы...

— Делать скульптуры и отливать их в бронзе.

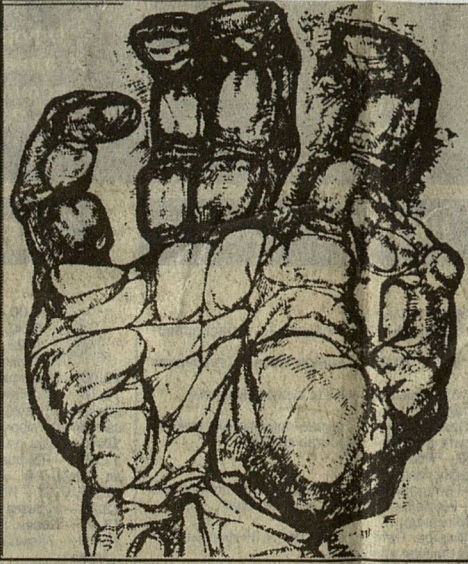
— А теперь не только в бронзе, но уже и в золоте, правда, с переменной масштаб — я о вашем увлечении ювелирными изделиями.

— Да, я начал делать ювелирные изделия. В основу моих ювелирных коллекций легла скульптура "Сердце Христа", такое распятие. Я сделал ее для монастыря в Польше, она стоит там — высота 8 метров. Осталась бронзовая модель, сантиметров 60. Папа римский хотел ее у меня купить, это было в то время, когда он лечился после ранения. Но я, конечно, не взял денег, а сделал ему подарок. Потом получил письмо из канцелярии папы с благодарностью. Вот и вся история.

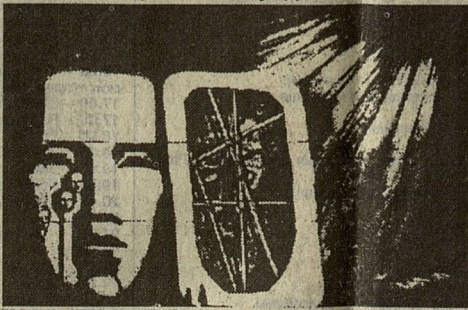
— Вы это сделали как человек религиозный?

— Я верующий, но не католик. Это был, скорее, просто человеческий поступок.

— Вы вообще на Западе занялись новыми делами. Вот стали университетским профессором...

Эскиз иллюстрации к "Аду" Данте.

"Маска Европы". Эскиз композиции в Екатеринбург.

и много других пожертвований было. Куда делись все деньги? Мне трудно это понять. Не хватает 200 тыс. долларов. Что это за сумма для страны? Копейки. Это стоимость четырех маленьких квартир! Ну я могу денег собрать, я с Рокфеллером знаком, или на свои деньги, но это что ж будет? Американские граждане строят памятники жертвам в России на свои деньги? Господа, совесть у вас есть? Или уж совсем жвачными стали?... Не могу понять.

— Когда вы приехали на Запад, Ростропович, например, был тут уже знаменитостью, своим человеком...

— Когда я приехал на Запад, при помощи Славы Ростроповича стал членом американской элиты — той социальной семьи, куда самые богатые и знаменитые люди всю жизнь стараются попасть, но не всем удается.

— Аксенов, Бродский?..

— Нет, это другое. Ростропович, Барышников — это один срез, снобистский срез Америки, Аксенов, Бродский — совсем другой срез, это академическая писательская среда.

Так вот, я оказался среди самых модных светских снобов. Я был там как свой, но оказался там не своим. Эта светская жизнь затормозила мое творчество на многие годы. Сейчас-то я все исправил. Я вышел из этого клуба. Взял все визитки и сжег, чтоб не было соблазна вернуться. С точки зрения социума я себя откинул на дно. Опять. Может, это было чересчур экстремно, я сейчас понимаю. Но я экстремист по духу. Так вот, я откинул себя на многие годы назад. Это сильно снизило мой рейтинг и затрудило мои дела. Но я оказался прав! Если бы я мотался по этим parties, я бы не успел сделать так много. И в конце концов вес моего творчества начал перевешивать мою несветскость! Как и Солженицын — я не сравниваюсь, это разные судьбы, разные таланты, — я заставил себя принять таким, какой я есть. И постепенно все те люди, с которыми меня познакомил Ростропович, начали ко мне приходить как к скульптору!

— Ростропович на вас обиделся?

— Не обиделся, но он меня не до конца понимал. Я выглядел неблагодарным человеком — ведь он для меня очень много сделал, невероятно много, он очень хороший друг. Сделал все что мог... Но сейчас уже все в порядке.

— У вас наколки на руке — по вашему рисунку?

— Нет, рисунок не мой. Я был десантником, и все мы бабочек кололи — чтоб порхать. И цветочки. Это была глупость — мальчишки... И выкололи номер части, а начальство приказало заколоть — видишь, вот тут синее пятно? Приписал год и в 17 лет уже кончал военное училище — ускоренный выпуск. Как это мы тогда пели?

Там, где пехота не пройдет, и та-та-ра-та (забыл...) не промчится, и замполит не проползет, туда наш взвод ходил мочиться. Ну и дальше там всякое... Я это пою в трудные минуты жизни — не вслух, конечно. И делается веселее.

— У вас на столе Фромм, Юнг, Хейзинга, Флоренский, Гумилев, "Роза мира" Андреева... Для чего вы их читаете? Для развлечения? Что-то ищете?

— Для чего я читаю? Мне нужны подтверждения моим догадкам. Меня радует, что я в итоге своей жизни пришел к чему-то. То, до чего я додумался, уже было сформулировано раньше — более четко, более умно. С точки зрения "Розы мира" все объяснено. Эту книгу я не только изучил, но знаю наизусть (но это все равно вторичная книга после Библии и Данте). Я записываю свои мысли... Один мой друг прочитал и говорит: это же глаглат из Флоренского! Меня это обидело: я это все сам придумал! Но — я радуюсь совпадению текстов, моего и их, в великом или в малом... даже текстуальные совпадения делают мне не просто честь, а делают меня подлинником и хозяином универсума. Я не один, я собран, и это дает мне огромную силу.

— Вы раньше в интервью говорили, что склонны к аскетизму. Как вы сейчас живете, каков ваш быт?

— У меня стало больше желаний, потому что появилось больше возможностей, но все равно я аскетичен. Моя жадность не превышает нормального уровня человеческого существования. Бедность я вообще не люблю. Но я склонен к некоторым формам самоограничения. Мне кажется, что в этом есть определенный вкус. Миллионер, который ест кашу, неберегая устрицами, — это вкус, это снобизм, это бегство. Я люблю бегство из стана победителей! Ростропович — он мог бы в Москве принять правила игры и хорошо жить. Солженицын, Сахаров... Могу сказать, что и я. Но мы беглем в силу многих причин — генетических, биологических, вкусовых.

Аскетизм; вот я раньше пил бутылками водку, закусывая пельменями или шпритной. Сейчас я пона некоторые другие вещи. Благодаря Ане постепенно начал понимать, что вино тоже неплохо — "Бордо", "Медок" (но это не предмет моих внутренних забот, я не гедонист). Водка... Не надо врать. Было поначалу на Западе... И сейчас я выпиваю дай Бог... иной раз. Но в последнее время стал от этого уклоняться. Раньше это мне больше давало. А сейчас я ищу другие инструменты для ухода и бегства.

— Можно спросить, какие это инструменты?

— Оказалось, что мир больше многогрочасчен. У нас прекрасная фонотека: например. Это не исключает выпивку... Если все тебе... э-э... осто... осто... о, я хотел сказать — ну вы найдите цивилизованное слово, — можно сесть в самолет и улететь в Испанию. Или Мексику...

— А здесь куда вы ходите?

— Я почти никогда не хожу и нигде не бываю. Из двух удовольствий — пойти на party, где есть очень интересные люди; или остаться дома и сидеть с книгой — "Розой мира", я предпочту "Розу мира". А вот Аня любит ходить в кафе, она и меня вытаскивает. А раньше я как жил? По три недели не выходил из мастерской. Там и ел, варил себе пельмени. В конце концов решил, ладно, это уже безумие. Сохо за окно, все гуляют, праздник жизни — что ж это я в стороне от праздника? Я переодевался, брейсу, выхожу — и чувствую, что мне никогда не хочется. И сворачиваю в ближайшее к дому заведение, выпиваю стакан водки, сжираю что-нибудь — и бегом-бегом обратно.

— Вот к вам приходят гости, вы идете с ними в ресторан... Так?

— Последний раз у нас в гостях был Андрей Вознесенский. И с удовольствием поедал харчо — Аня варила. Когда у нее хорошее настроение, она делает замечательные блюда. Она знает кухню испанскую, русскую, армянскую... Вот Женя (Евтушенко) пришел, сожрал во-о-т такую тарелку сацви и сказал, что за это можно простить все.

— Но вот одежда у вас не аскетическая.

— Да я этому внимания не уделяю. Если что-то надо купить, я беру, что мне нравится. Лишь бы вещь не была дешевой. Нравится и дорого — тогда покупаю. Если можно органично надеть костюм за пять тысяч, а не строить этот костюм, не закладывать душу черту, чтоб его иметь, — почему нет? Хороший костюм лучше, чем плохой, но это не должно стать фетишем и символом.

— Вы как-то не по-американски живете — машину не водите... Не хотите?

— Что значит не хочу? Я же инвалид Отечественной войны. У меня был перебит позвоночник. В России врачи запрещали машину водить (хотя я в армии научился) — меня же в случае аварии могли парализовать. А тут Аня водит, и все мое окружение водит. Я, было, садился тут за руль, но у меня совсем нет чувства самосохранения, я, еще не научившись заново ездить, сразу жму на педаль... и Аня меня перестала учить.

— Вы о чем-то жалеете в жизни?

— Я пишу книгу, и там будет глава "Упущенные возможности".

— А если бы вы остались в России?

— Если бы остался в России, то было бы следующее. Я бы умер или от скуки, или от водки. Почему? В свое время мне хотелось быть Микеланджело в России. Для этого нужны были заказы от высшего эшелона власти. Но когда я столкнулся с этим эшелоном, понял, что не смогу работать в этой среде, с куркулями, и принять их правила игры. Надо было ржать с ними, когда они ржут, пукать с ними, когда они пукуют, выпивать с ними, говорить с ними на их языке! Я научился этому, но это было такое насилие над собой! Я начал чувствовать, что просто морально умираю. Вот я бы и умер...

Нет, если б я был писателем или поэтом, я, может, с легкостью бы вернулся. Но вы понимаете, работа скульптора связана с большими организационными и материальными издержками. Здесь, в Америке, я создал базу для работы, у меня материалы, помощники, бронзолитейка. И снова все начинать с нуля в России невозможно, ведь мне под сорокдцать. И слушайте, может, хватит? Я ведь неисчерпаем. Если вы еще день со мной проговорите, вам придется писать книгу...

Интервью взял Игорь СВИНАРЕНКО. Фото Александра АБАЗЫ.